

Научная статья

УДК 94(470.312:291.68+314.93)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55>

«НЕТ ЛИ... ЖЕЛАНИЯ ЗАПИСАТЬСЯ В «РАСКОЛ»?»: ОСОБЕННОСТИ СБОРА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ ПО СТАРООБРЯДЦАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

**Александр Владимирович
Соколов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Аннотация. Целью статьи является анализ статистических сведений о тульских старообрядцах в XIX в. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные архивные материалы, которые позволили раскрыть специфику критериев учета при идентификации старообрядцев. Приоритетное внимание автор исследования уделил анализу двух ветвей статистики: церковной и гражданской власти. Первая представлена на страницах «Тульских епархиальных ведомостей», вторая – в «Обзорах Тульской губернии». Автор приходит к выводу, что обе системы сбора сведений о старообрядцах – церковная и правительственная – не отражали достоверной картины, однако сама система искажений и динамика статистики позволяют отыскать ответы на интереснейшие вопросы: «Какие факторы влияли на статистику староверов?» «Какие методы использовались для сбора статистических сведений?» «Какова была численность староверов в Тульской губернии?» «На что влияли статистические данные по старообрядцам?»

Автор приходит к выводу, что на сбор сведений о старообрядцах в первую очередь повлияло отсутствие критериев, отделяющих православного от «раскольника». Серьезное влияние оказывал и фактор «адресата» – кому именно сведения предназначались. Церковная статистика публиковалась в епархиальных ведомостях, а, значит, была открытой и должна была показывать успешность борьбы церкви с «расколом». Светская статистика была закрытой и предназначалась для внутреннего пользования МВД. Если церковная статистика собиралась по принципу – «кто отвечает за борьбу с «расколом», тот и осуществляет контроль за её успешностью», то чиновники были вовлечены исключительно в сбор данных и к результатам относились гораздо более индифферентно. В работе впервые приводится статистическая динамика по «расколу», которая рассматривается в контексте деятельности светской и духовной власти по отношению к старообрядцам Тульской губернии.

Ключевые слова: раскол, старообрядцы, образ, статистика, Тульская губерния, светская власть, духовная власть, православие.

Для цитирования: Соколов А. В. «Нет ли... желания записаться в «раскол»?»: особенности сбора количественных данных по старообрядцам Тульской губернии в XIX веке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 43–55. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55>.

Сведения об авторе: А. В. Соколов – ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(470.312:291.68+314.93)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55>

«DON'T YOU WANT TO JOIN THE RASKOL?» SPECIFICS OF COLLECTING QUANTITATIVE DATA ON OLD BELIEVERS (BASED ON THE MATERIALS OF THE TULA PROVINCE)

Alexandre V. Sokolov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Abstract. The purpose of the article is to analyze statistical information about the Tula Old Believers in the XIX century. The source base of the study was made up of clerical archival materials, which made it possible to identify the specifics of the accounting criteria for the identification of Old Believers. The author of the study paid priority attention to the analysis of two branches of statistics: church and civil power. The first is presented on the pages of the Tula Diocesan Gazette, the second is in the Reviews of the Tula Province. The author comes to the conclusion that both systems of collecting information about Old Believers – church and state – did not reflect a reliable picture, but the system of distortions and the dynamics of statistics allow us to find answers to the most interesting questions: "What factors influenced the statistics of Old Believers?" "What methods were used to collect statistical information?" "What was the number of Old Believers in Tula province?" "What did the statistics on the Old Believers affect?"

The author comes to the conclusion that the lack of criteria separating Orthodox from "schismatics" primarily influenced the collection of information about Old Believers. The "addressee" factor also had a serious impact - who exactly the information was intended for. Church statistics were published in the diocesan gazette, which means it was open and had to show the success of the church's struggle with the "schism". Soviet statistics were closed and intended for internal use by the Ministry of Internal Affairs. If church statistics were collected according to the principle – "the one who is responsible for the fight against the "schism" controls its success," then officials were engaged exclusively in data collection and treated the results much more indifferently. The article presents for the first time the statistical dynamics of the "split", which is considered in the context of the activities of secular and spiritual authorities in relation to the Old Believers of the Tula province.

Keywords: Raskol, Old Believers, image, statistics, Tula province, secular power, clerical power, Orthodoxy.

For citation: Sokolov, AV 2022, '«Don't you want to join the Raskol?» specifics of collecting quantitative data on old believers (based on the materials of the Tula province)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 43–55, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-43-55> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexandre V. Sokolov* – Assistant of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Sokolov A. V., 2022

Введение

Начиная с раскола внутри православной церкви на староверов и «никониан», последние вплоть до 1917 года вели неустанную борьбу с так называемыми «раскольниками», в том числе и за счет административных мер. В этой же борьбе было заинтересованно и государство, неудивительно, что сторонники «никоновских новин» получали прямую поддержку от государства. Для осуществления этой борьбы власть и светская, и духовная вынуждена была собирать статистику, ведь нужно было понять, какое количество людей нужно переманить в лоно «истинного православия». Именно эта попытка власти понять количество «врагов церкви» станет предметом данного исследования.

Целью работы стало изучение путей формирования официальных статистических данных по старообрядцам на материалах Тульской губернии. Какие факторы влияли на статистику староверов? Какие методы использовались для сбора статистических сведений? Какова была численность староверов в Тульской губернии? На что влияли статистические данные по старообрядцам?

Материалы и методы

Работа строится на комплексном анализе источников, как опубликованных, так и архивных материалов в том числе, впервые вводимых в научный оборот. Наиболее значимыми опубликованными источниками для данного исследования является статистика, представленная на страницах Тульских епархиальных ведомостей (далее – ТЕВ) и Обзоре Тульской губернии (далее – ОТГ). Автор проводит сравнительный анализ данных, представленных на страницах этих источников. Из архивных источников наибольший интерес предоставляют процессы по увещеванию староверов, т.к. они показывают эволюцию и особенности борьбы с «расколом».

Историография взаимоотношения власти и старообрядцев, а также анализа статистических данных довольно обширна [1; 2; 3; 15; 16; 17; 19; 20; 21]. Историки традиционно обращают внимание на недостоверность статистики, указывают, что в реальности старообрядцев было кратно больше. Классическим примером может послужить работа Пругавина А. С., в которой он указал на возможную заниженность статистики в 10 раз [38, с. 7–18]. И в тоже время на сегодняшний день практически нет исследований, которые затрагивали вопросы о соотношении данных светской и духовной статистики; на что влиял статус «центра раскола»; каково было количество староверов в Тульской губернии.

Результаты

Несмотря на то, что с «расколом» вели постоянную борьбу, её результат нельзя назвать впечатляющим. Имена переходящих в православие публиковали в ТЕВ, а иногда там же печатались их подробные рассказы с пояснением причин перехода и аргументами, чем «господствующее православие» лучше древнего [34, с. 156–167]. Однако, несмотря на места «радужные» показатели, даже официальная статистика не показывала полноценного снижения числа «раскольников», а скорее демонстрировала затухание и новые подъемы. Одной из причин перехода обратно в староверие была забота о спасении души в преклонном возрасте [3, с. 38–42]. Такое решение диктовалось надеждой на прощение Бога, за отход от «истиной» веры и возвращение к ней на смертном одре. Другим лейтмотивом были финансовые вопросы: так, сын поморского уставщика Андрей Агафонов вернулся в лоно отцовской веры под предлогом финансовой несамостоятельности [41, с. 253]. Зачастую зависимое лицо, перестав получать финансовую поддержку от своей религиозной группы или конкретного человека, не могло справиться с обрушившейся экономической нагрузкой. Развитую финансовую взаимную поддержку Г. И. Панов отмечал у Бабушкиного согласия: «Взаимная помощь у них развита в высшей степени. От того между раскольниками не

видно ни особенно бедных, ни особенно нищих» [30, с. 203]. Этот фактор мог обеспечивать сильную взаимную зависимость. В этом отношении церковь не могла предоставить альтернативу, т.к. она была не способна вливать аналогичные денежные средства, обеспечивающие «раскольникам» финансовую поддержку.

Стоит отметить, меры по принуждению к возвращению в лоно церкви были довольно-таки сомнительными. Мы склонны сомневаться в искренности переходящих в православие. Так первый туляк-оружейник Жилин, признавший себя сторонником староверия выговского (поморского) согласия был бит кошками и после длительного преследования «отказался» от старой веры в 1742 г. [23, с. 446, 448–450]. Ещё одним показательным случаем был процесс 1830 г. над братьями-купцами Чижиковыми и мещанкой Авдотьей Ковалушниковой, судимых «за непризнание Господа Саваофа на иконах». По решению суда их должны были отправить в Сибирь, но «лишь только сие было объявлено на месте помянутым Чижиковым и Ковалушниковой; то они, раскаявшись совершенно в своем заблуждении и обращаясь с усердием к Православию, подали от себя к Белевскому Уездному Стряпчему просьбу, который и доставил ко мне» [11, л. 1]. Удивительно, но это помогло – вместо ссылки их отправили к духовному начальству, убедиться в их искренности [11, л. 4-об]. В 1836 г. под пристальным надзором полиции, крепостной Иванов Иван также отрекся от «раскола» поповства [12, л. 4].

Подобные «неофиты» идейно навряд ли понимали причины «ложности» своих прежних суждений и достоинства вновь обретенного «православия». В каком-то смысле этих людей можно сравнить со знаменитым Меноккио, который также показательно отрекся от своих «заблуждений», но потом из раза в раз возвращался к своим религиозным мудрствованиям [4].

Интересно в этом контексте дело крестьян Аксеновых, которое длилось более 17 лет, с 2 февраля 1840 по 10 сентября 1857 гг. Они были, то ли вольными хлебопашцами [5, л. 2, 61, 69], то ли казенными крестьянами [5, л. 14, 20]. Так или иначе, Иван Абрамович и его сын Петр Иванович создали молитвенный дом [5, л. 2]. В ходе долгих разбирательств Аксеновы отказались от «раскола», а Петр вообще заявил, что никогда к нему не был склонен [5, л. 69–72, 91]. Правда, потом оказалось, что под «верностью церкви» он имеет ввиду приверженность староверию [5, л. 91-об], в его понимание фраза «никогда не принадлежал к расколу» означала «никогда не принадлежал к господствующей церкви и «раскольническим» согласиям». Такая выходка сошла ему с рук, причем в один момент создается ощущение, что про молитвенный дом в один момент все забыли. Причины этого понять довольно-таки сложно. Возможно, это связано со сменой социального статуса Петра Ивановича – с 1845 г. он фигурирует как «сын купца третьей гильдии», а позже, как «купец третьей гильдии» [5, л. 43, 72, 91]. В конечном счете, Петр Иванович переехал в Москву, и местное духовенство просто передало о нем сведения в Московскую мещанскую палату, хотя требования о том, что его необходимо увещевать, продолжали идти из консистории Лысцевскому священнику [5, л. 91-об, 109].

Показательным примером в сборе данных служит следующий случай. В 1838 г. было возбуждено дело о том, является ли купец первой гильдии Иван Федорович Маслов «раскольником» или нет? Видимо, чтобы ускорить процесс, губернская палата во избежание волокиты не стала сообщаться с консисторией и сразу же послала ответ, что он, естественно, не может быть раскольником [13, л. 1–4]. Вопрос был решен за 12 дней, что достаточно быстро для того времени, даже не пришлось наводить дополнительные справки... Думается, такая оперативность была вызвана социальным и финансовым положением И. Ф. Маслова.

Нельзя и исключать целенаправленное занижение статических данных со стороны заинтересованных чиновников и духовенства, которые не только собирали сведения, но и «боролись с расколом». Положение лиц, лично отвечающих за борьбу с расколом и де-факто самостоятельно себя контролирующих, создавало идеальные условия для фальсификации данных. Косвенным подтверждением этому служит то, что в одном из дел нами было обнаружено вычеркивание одних цифр с заменой их другими, меньшими по значению, в то время как заголовок был написан тем же почерком, что и ранее вычеркнутые цифры [14, л. 2–3]. Мы считаем, что изменения были внесены позже первоначального составления отчета.

Важной проблемой в определении реального числа старообрядцев было отсутствие критериев в оценке субъекта, которые могли бы определить в нём старовера [19, с. 4–5]. Это приводило к невозможности чётко идентифицировать человека как старовера. В Туле существовало две системы сбора статистики: церковная и гражданская. Церковная статистика формировалась на основе рапортов приходских священников [6; 8; 9; 10], гражданские же данные собирались полицией [16, с. 75; 18, с. 48; 30, с. 229]. В ОТГ указывалось, что «весьма часто скрывают свою принадлежность к расколу и некоторые из них, для достижения своей цели даже используют наружно все обряды православной церкви, а потому не представляется возможности с точностью определить их число» [26, 1874, л. 29]. Это признавало и духовенство: «Нельзя считать безусловно верным исчисления их и в ведомостях, подаваемых в полицию самими раскольниками» [30, с. 229]. Неточность статистики легко объяснялась: «Отчуждение раскольников от церкви и духовенства было причиной того, что мы ниоткуда не имели и не получаем сведений о родившихся и умирающих в расколе» [30, с. 228]. Другой же причиной неточности данных духовные лица признавали свои ошибки, допущенные при оформлении документации: так, к «расколу» могли быть приписаны люди, перешедшие в православие или умершие за несколько лет до повторного сбора данных [30, с. 229]. В то же время, старинные иконы и крещение двоеперстием могли использовать и люди, не идентифицирующие себя с «древним православием», также, как и ношение бороды не служило четким маркером [19, с. 4–5]. Сами же староверы могли называть себя просто «православными», не вдаваясь в подробности своего религиозного направления [36, с. 86].

Одной из ключевых проблем для ведения статистики оставалось отсутствие критериев, по которым можно было бы выявить «раскольника». Эти условия порождали подозрительность и недоверчивость ко всему непонятному, к тому, что выпадало из стереотипа о «типичном православном» лице. Так, в 1884 г. в селе Лужны Чернского уезда под подозрение в сектантстве попали 30 человек, исполняющие все православные обряды и регулярно бывавшие на исповеди, но отказавшиеся от алкоголя, табака, игры в карты и мяса. Как отмечалось в рапорте, они вели подозрительно «примерную жизнь», что и настораживало духовников [7, л. 260]. Сами же они считали себя православными: «Один жаловался, что его называют «старовером», а причину отказа от алкоголя, мяса и табака он объяснял, тем, что это «вредно для здоровья и благополучия». И все же он всё равно воспринимался со стороны духовенства «сектантом» [7, л. 261]. В то же время, в 1882 г. в селе Григорьевском Каширского уезда, протоирей Максим Никитин заявлял, что солдат Василий Степанов, 4 года не бывающий на исповеди, не может быть раскольником, т.к. «известен только неисправимым пьянством, наглостью и воровством» [7, л. 133-об]. Таким образом, сам факт уклонения от исповеди или ее прохождения даже в глазах церкви не выглядел однозначным доказательством принадлежности к расколу. Иными словами, чётко установить, кто был старообрядцем, а кто нет, можно было, только если человек сам себя причислял

к староверию перед представителями государства. Поскольку это влекло ряд ограничений и на такие декларации шли далеко не все, то остается только признать, что даже первичные источники не отображают сколько-нибудь точное число старообрядцев.

Нижние чины часто просто не понимали, зачем и как собирать сведения о «расколе». И. С. Наградов, указывая на неэффективность работы местных сборщиков сведений писал: «Приставы, которые должны были это делать, пытались заимствовать информацию о числе старообрядцев и их моленных у духовенства. Более того, угличский пристав ходил по деревням и просто спрашивал крестьян: нет ли у них желания записаться в «раскол» [24, с. 97].

Стоит также отметить возможность личного фактора, который мог или же не мог повлечь передачу данных о конкретном старообрядческом семействе. Так, в 1870 г. стало известно о «раскольничьем семействе», это было обусловлено сменой священника, т.к. предыдущий «не доносил» «по нетрезвости» [28, с. 4]. «Новый» же священник донес на старообрядческую семью, т.к. та не встретила «хлебом-солью» возглавляемый им крестный ход, а судя по контексту, он предположительно знал о верованиях семейства до этого инцидента [28, с. 4]. Фактически, консистория бы и не узнала о нём, если бы не личная обида священнослужителя.

Ещё одним важным препятствием в различении старовер-«никонианина» проблема идентичности. Косвенно данного вопроса касался ещё князь С. П. Гагарин в конце XIX в. [38, с. 71] Однако данная проблема не получила глубокого рассмотрения в то время. Антропологический поворот XX века привел к тому, что уже в XXI в. ученые не могут игнорировать вопросы идентичности. Так, А. В. Апанесенок утверждает, что между категориями старовер и ортодокс нет дихотомии, и старообрядцы являлись носителями двойной идентичности [1, с. 3–5]. Т. А. Володина по материалам Тульской губернии установила феномен «маятникового дрейфа», когда регулярно происходил переход от господствующей церкви в староверие и обратно, что было обусловлено прагматичностью людей, не желавших бежать из центральной России [3, с. 42].

Вопрос о собственной идентичности мог и не волновать людей. Так, в 1882 г. ТЕВ опубликовали заметку о группе лиц, посещавших старообрядческую молельню, однако они сами не знали, к какому религиозному направлению они относятся [31, с. 316]. Проблема в выявлении старообрядчества заключается и в том, что система старообрядческих ценностей могла частично отрицаться отдельными её представителями. Так, крестьянин Опонков в 1889 г. вступил в полемику с миссионером по поводу того, что, по его мнению, иконы – это нововведение, не встречающееся в Новом завете. При этом, он считал, что богослужение должно совершаться по старым книгам [29, с. 35–38]. Таким образом, ценностные ориентиры конкретного человека могли не соответствовать общему стереотипу той группы, к которой тот мог себя причислять.

Несмотря на то, что статистика в лучшем случае вызывает сомнения в своей достоверности, она является важным источником. Статистические данные были таким «лицом» губернии, формировавшим её образ, который в некоторой степени влиял на отношение центральной власти к губернии, а также к ее церковной и светской администрации. Образ количественного соотношения православных и «других» влиял на формат выстраивания отношений власти и жителей губернии. К концу XIX в. количество «раскольников» влияло на уровень финансирования миссионерской деятельности. Так, Иркутск, согласно статистическим данным имевший наибольшее количество старообрядцев, получал большие суммы на миссионерскую деятельность, уступая лишь Японии [27, с. 32–34].

С конца XVIII в. и по вторую половину XIX в. количество «раскольников», видимо, не сильно изменилось даже в условиях репрессивной политики, однако, с 1860-х гг. отмечается статистический рост представителей непризнанных религиозных

движений [25]. Видимо, это было связано с двумя факторами: во-первых, по бедности значительного числа приходов были сокращены причты [40, с. 173–175], то есть духовенства стало меньше, а на то, что осталось, легла большая нагрузка; во-вторых, после николаевской эпохи и в условиях смягчения репрессивной политики, духовенству нужно было время для того, чтобы перестроиться от административных мер воздействия к чисто религиозным методам [24, с. 140–141].

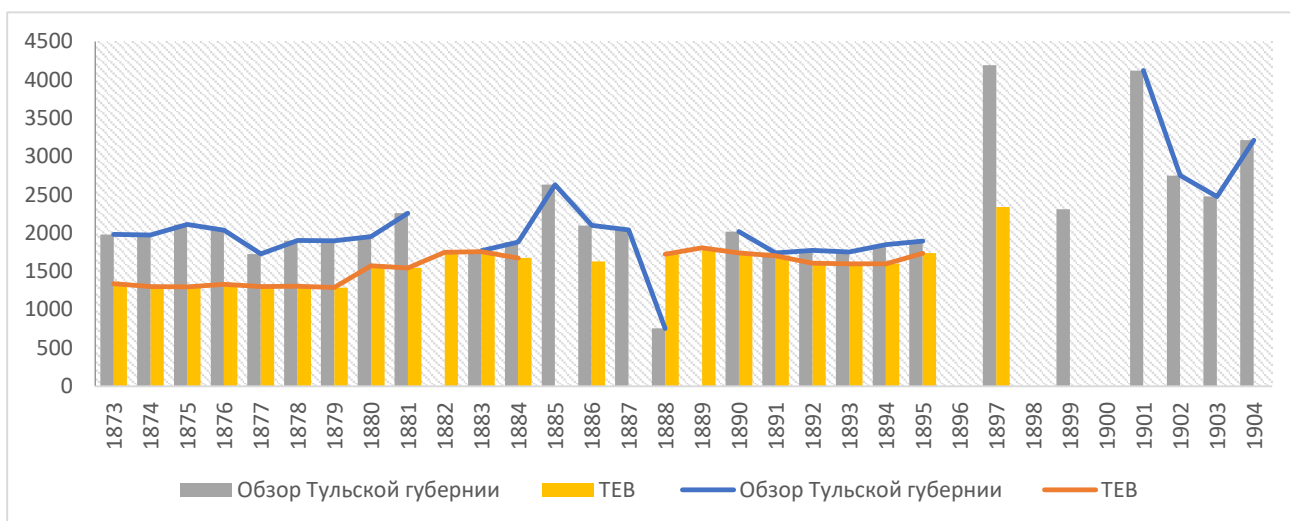
В Тульской губернии, по официальным данным, насчитывалось от 0,1 % [29, с. 38] до 1 % [21] «раскольников» от общего числа населения. Сомнительность официальной статистики подтверждается тем фактом, что существовало два её варианта: одна декларировалась консисторией, другая – гражданскими чиновниками. Причем обе создавались для разных адресатов. Если консисторская печаталась в ТЕВ и изначально предназначалась для широкого круга лиц, то гражданская отображалась в ОТГ и предназначалась для «столичного начальства». Ситуация, при которой могло возникнуть два противоречивых варианта, связана с указом Синода от 20 января 1866 г., по которому духовенство предоставляло данные своему начальству и губернской статистической комиссии, в то время как МВД было вынуждено собирать данные самостоятельно [24, с. 98]. Это приводило к тому, что губернатору приходилось рассматривать и исходить из двух вариантов статистики, и уже субъективно оценивать, на что именно опираться. Нужно отметить, что установить, чем он руководствовался, до конца нельзя. Рассматривая оба варианта, нужно отметить их нерегулярность, в отдельные годы отсутствовали данные либо из одного, либо из двух источников. К сожалению, мы можем подобным образом сопоставить лишь данные за период с 1873 г. по 1904 г.

Сопоставляя оба варианта, мы можем наблюдать разницу в дифференциации между данными: цифры могли почти совпадать или отличаться более чем в два раза. Корреляционная величина между двумя статистическими данными за указанный период примерно равна 0,5. При этом показатель «раскольников» в гражданской статистике был, в целом, выше. В то же время, анализируя изменение статистических данных в рамках отдельно церковной и светской статистики, мы приходим к выводу о существенной разнице именно в характере этих изменений. Если данные ТЕВ изменялись достаточно плавно, не считая «скачков» в 1880 и 1882 гг., то для «обзора» в большей степени характерна скачкообразность. (См. Диаграмма 1).

В ОТГ и ТЕВ далеко не всегда отображалась качественная сторона «раскола», т.е. каких религиозных движений было больше, однако временами фиксируется преобладание в целом старообрядцев. О соотношении поповцев и беспоповцев статистика могла формировать смешанное представление. Дело в том, что далеко не всегда публиковалась информация о преобладающей религиозной группе внутри староверия. Сам учет не общей массы «раскольников», а по согласиям и толкам появился достаточно поздно и на долгое время не задержался. Тем не менее, в начале 1870-х годов в ОТГ указывалось на преобладание поповцев [26, 1875, л. 29-об; 1876, л. 25], а в 1890-е гг. видно разночтение. Так, в «обзоре» за 1897 г. поповцев было в 2,2 раза больше, чем беспоповцев, а уже за 1899 г. ситуация в корне изменилась и на одного статистического поповца приходился 1,8 беспоповец [26, 1898, с. 26; 1900 с. 37]. В то же время данные ТЕВ о соотношении поповцев и беспоповцев начинают фигурировать лишь в 1890-е годы. В отличие от ОТГ, данные ТЕВ были лишены противоречия и формировали единое представление о перевесе беспоповцев в количественном плане [42, 1890, с. 519; 1892, №8, с. 233; 1893, №10, с. 179; 1894, №18, с. 52; 1895, №1, с. 14; 1897, №11, с. 9; 1898, №10, с. 9.]. Подобную статистическую магию довольно сложно объяснить. Скорее всего, составители ОТГ совершили ошибку и перепутали данные, и реальная картина заключалась в доминировании в Тульской губернии к концу XIX в. беспоповской группы.

Диаграмма 1

**Статистические данные по количеству «раскольников»
в Тульской губернии ***

* *Посчитано и составлено по: [26, 1874, л. 26; 1875, л. 29-об.; 1876, л. 25; 1877, л. 22; 1878, л. 22; 1879, л. 15; 1880, л. 22; 1881, л. 16; 1882, л. 15; 1883; 1884, л. 12; 1885, л. 14; 1886, л. 15; 1887, с. 22; 1888, с. 30; 1889; 1891, с. 22; 1892, с. 22; 1893, с. 21; 1894, с. 43; 1895, с. 35; 1896, с. 42; 1897; 1898, с. 26; 1899, 1900, с. 37; 1901; 1903; 1905, с. 21; 1906, с. 19; 42, 1874, №17, с. 345; 1875, №5, с. 110; 1876, №6, с. 104; 1877, №16, с. 425; 1878, №8, с. 157; 1879, №13, с. 244; 1874, №17, с. 345; 1880, №18, с. 287; 1881, №15, с. 308; 1882, №11, с. 152; 1883, №20, с. 370; 1884, №17, с. 349; 1885, №24, с. 402; 1886, №1-24; 1887, №17, с. 399; 1888, №1-24; 1889, №23, с. 555; 1890, №22, с. 519; 1891, №1-24; 1892, №8, с. 233; 1893, №10, с. 179; 1894, №18, с. 52; 1895, №1, с. 14; 1896, №1-24; 1897, №11, с. 9; 1898, №10, с. 9; 1899, №1-24; 1900, №1-24; 1901, №1-24; 1902, №1-24; 1903, №1-24; 1904, №1-24; 1905, №1-48.]*

Социальный статус среди староверов был неоднороден. Об этом свидетельствуют статистические сведения о старообрядцах, собираемые светскими властями. Они включали: Фамилию Имя Отчество, приход, за которым числился зафиксированный старовер, место жительства или пребывания, пол, возраст, сословную и религиозную принадлежность (хлыст, скопец, старообрядец-поморец, старообрядец-нетовец и т.д.). Подобный набор не менялся, начиная с XIX в. и оставался неизменным на протяжении рассматриваемого нами периода [6; 8; 9; 10]. Говорить о праве на защиту персональных данных в тот период времени не приходится, достаточно часто эти сведения публиковались на страницах ТЕВ [32, с. 198–206; 33, с. 156–161]. По всей видимости, для конкретной демонстрации «противника веры». Работа с этими данными для данного исследования не представляется возможной, поскольку вопрос требует специального и, что важно, большого исследования.

Обсуждение результатов

В настоящее время общим местом остаётся принятие того, что невозможно установить даже приблизительное число староверов в Российской империи. Ещё А. С. Пругавин задавал риторический вопрос: «Два или двадцать миллионов?», возникший из его теоретических рассуждений о количестве «раскольников» [37; 38 с. 18; 39, с. 4–17]. В дальнейшем формула «два или двадцать» стала, фактически, аксиомой непонимания властью религиозных настроений масс и невозможностью достоверно узнать количество староверов, что и отображалось в ряде исследований [1; 2; 3; 15; 16; 17; 19; 20; 21]. Такой разброс в цифрах обусловлен нежеланием старообрядцев и членов других непризнанных религиозных движений пополнять статистику «потенциально опасных», с точки зрения государства, категорий. Как справедливо указывал И. А. Кирилов: «Перед «гонителями и мучителями» староверы не склонны быть правдивы» [19, с. 4]. Всё это порождало феномен крипто-старообрядчества – формально

принадлежавшие к «господствующей церкви» отождествляли себя со староверием и по возможности организовывали свой быт согласно религиозным доктринам своего согласия. В своей работе И. С. Наградов в целом отмечает отсутствие эффективных способов установления религиозных воззрений населения. Это же осложнялось и общей не подготовкой чиновников, собирающих статистическую информацию [24, с. 60–127].

Ситуация, когда гражданская статистика показывает большее количество «раскольников», по сравнению с церковной, не уникальна для Тулы. Причины Ю. В. Боровик видит в «...принципиально разных подходах к подсчету. Духовная власть, признавая наличие «номинально православных», отказывалась включать их в число «отпавших» от церкви и фиксировала только тех, кто «открыто» числились по ее документам старообрядцами. В статистику МВД и земских деятелей, проводивших обследования посредством подворных устных опросов и собственных наблюдений, попадали все те, кто заявлял о своей принадлежности к старообрядчеству. И в первом, и во втором случае статистическая картина получалась неполной. В церковных данных никак не проявлялись те, кто, числясь в православном или единоверческом приходе, всю жизнь посещали старообрядческий храм или молельный дом» [2, с. 32]. Можно сказать, что наше исследование во многом не противоречит устоявшимся выводам, а вписывает локальную историю в существующую научную парадигму.

Заключение

Таким образом, численность старообрядцев зависела от отношения к ним светских и духовных властей губернии: чем больше, согласно официальной статистике «раскольников», тем больше было финансирование миссионерской деятельности и выше уровень обеспокоенности МВД. Статистика по «раскольникам» существовала в двух вариантах: светском и церковном. Данные по ним могли отличаться более чем в два раза. Разница в цифрах объясняется рядом факторов. Пожалуй, наиболее существенным является отсутствие четких критериев выделения старообрядцев. Нужно также принимать во внимание различные цели и интересов конечных получателей статистических данных. Ко второй половине XIX в., с одной стороны, МВД практически не несло никакой ответственности за статистический рост/снижение численности староверов. С другой стороны, светская власть, помимо отсутствия критериев идентифицирующих староверов, не имела обученных людей, способных выявлять старообрядцев. Духовная же власть была в большей степени знакома со способами выявления старообрядцев, но помимо сбора сведений священство было также лично ответственно за борьбу с «расколом», что влекло заинтересованность занижения данных. Иными словами, статистический «всплеск» староверия в значительной мере был неблагоприятен для духовной власти. Не менее важным фактором, влияющим на статистику, были крипто-старообрядцы, появившиеся в условиях давления со стороны властей. Формально считавшиеся детьми «господствующей церкви», они оставались приверженцами дониконовской религиозной традиции. Говоря о научном значении нашей работы, стоит сказать, что по своей сути она не противоречит устоявшимся выводам, а вписывает историю Тульской губернии и тульского старообрядчества в общую парадигму.

Список источников и литературы

1. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск: Регион. открытый социальный ин-т, 2014. 397 с.
2. Боровик Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох: 1905–1927 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Боровик Юлия Викторовна. Екатеринбург, 2003. 321 с.

3. *Володина Т. А.* Численность Тульских старообрядцев в XVIII – XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. № 18. С. 38–42.
4. *Гинзбург К.* Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: Росспэн, 2000. 272 с.
5. *Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»* (далее – ГУ ГАТО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 87.
6. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3098.
7. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1378.
8. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3 Д. 2486.
9. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1830.
10. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3778.
11. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 15. Д. 2793.
12. ГУ ГАТО. Ф. 51. Оп. 19. Д. 1242.
13. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Д. 15172.
14. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1184.
15. *Еремеев П. В.* И всё же, два миллиона или двадцать? Численность старообрядцев Российской империи в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 7 (51). URL: <https://history.jes.su/s207987840001595-3-1/> (дата обращения: 11.10.2022).
16. *Еремеев П. В.* Методы оценки достоверности статистики старообрядчества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Харьковской губернии) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1-2 (11-12). С. 73–97.
17. *Зеньковский С. А.* Русское Старообрядчество. В 2 т. М.: Ин-т ДИ-ДИК ; Квадрига, 2009. 688 с.
18. *Катькова В. В., Мышенцев Н. П.* Старообрядческие общины самарской губернии: численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 47–54.
19. *Кириллов И. А.* Статистика старообрядчества. М.: журн. "Старообрядч. мысль", 1913. 26 с.
20. *Латыпов И. Р.* Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-staroobryadchestva-kazanskoj-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 11.10.2022).
21. *Лисицына О. Л.* Церковные реформы, направленные на изменение положения раскольников и сектантов в конце XIX – начале XX вв. (Региональный аспект) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №3-1. С. 82–92.
22. *Мельгунов С. П.* Старообрядцы и свобода совести : (исторический очерк). М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. 86 с.
23. *Модеста И.* О раскольниках поморцах секты в г. Туле // Тульские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1862. № 21. С. 444–450.
24. *Наградов И. С.* Расколоть «раскол»: государственная конфессиональная политика и её влияние на развитие старообрядчества во второй четверти XIX – первой четверти XX вв. (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Кострома: Костромаиздат, 2013. 352 с.
25. *Никольский Н. М.* История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 448 с. URL: https://scepsis.net/library/id_1829.html (дата обращения: 17.10.2022)
26. *Обзор Тульской губернии ...* [по годам]. Тула, [1874]–1916.
27. *Отчет Православного миссионерского общества за 1879 год* : (Десятый год его существования) : С кратким обзором состояния и деятельности Общества за все первое десятилетие существования). М.: [б. и.], 1881. 99 с.
28. *Панов Г. И.* Из разговора с тульским старообрядцем // ТЕВ. 1872. № 13. С. 3–13.
29. *Панов Г. И.* Из современной жизни старообрядцев Тульской губернии // ТЕВ. 1889. № 2. С. 35–44.
30. *Панов Г. И.* К истории раскола в Тульской епархии // ТЕВ. 1868. № 18. С. 226–234.

31. Панов Г. И. Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1882. № 10. С. 315–320.
32. Панов Г. И. Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1886. № 17. С. 156–161.
33. Панов Г. И. Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1886. № 18. С. 196–206.
34. Панов Г. И. Обращение в православие одного раскольника // ТЕВ. 1867. № 4. С. 125–133.
35. Панов Г. И. Обращение в православие одного раскольника // ТЕВ. 1867. № 5. С. 156–167.
36. Панов Г. И. Разбор учения беспоповцы тульской поморской секты о тайне брак // ТЕВ. 1886. № 15. С. 79–86.
37. Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1881_znachenie_sektatntstva_oldorfo.shtml (дата обращения: 30.09.2022).
38. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. 283 с.
39. Пругавин А. С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1909. 267 с.
40. Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166–175.
41. Скворцов Д. И. Наблюдение и впечатление миссионера // ТЕВ. 1903. № 7-8. С. 251–262.
42. Тульские епархиальные ведомости. Тула, 1862–1918.

References

1. Apanasenok, AV 2014, *Religioznyy traditsionalizm v provintsial'noy Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka.* (Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old Belief communities in the central black-soil region in the 17th - beginning of 20th century), Region. otkrytyy sotsial'nyy in-t, Kursk. (in Russ.)
2. Borovik, YuV 2003, *Staroobryadchestvo Urala i Zauralya na perelome epokh: 1905–1927 gg.*, PhD thesis, Ekaterinburg. (in Russ.)
3. Volodina, TA 2019, *Chislennost' Tul'skikh staroobryadtsev v XVIII – XIX vv.: metodologicheskiye aspekty* (The number of Tula Old Believers in the 18th-19th centuries: methodological aspects), *Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost* (Old Believers: history, culture, modernity), no.18. pp. 38-42. (in Russ.)
4. Ginzburg, K 2000, *Syr i chervi. Kartina mira odnogo melnika, zhivshego v XVI v.* (The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth Century Miller), Rosspen publ, Moscow. (in Russ.)
5. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GATO)* (State Archives of the Tula region), fund 3 inventory 11 file 87. (in Russ.)
6. *GATO*, fund 3 inventory 2. file 3098. (in Russ.)
7. *GATO* fund 3 inventory 7 file 1378. (in Russ.)
8. *GATO* fund 3. inventory 3 file 2486. (in Russ.)
9. *GATO* fund 3. inventory 3. file 1830. (in Russ.)
10. *GATO* fund 3. inventory 7. file 3778. (in Russ.)
11. *GATO* fund 51 inventory 15 file 2793. (in Russ.)
12. *GATO* fund 51 inventory 19 file 1242. (in Russ.)
13. *GATO* fund 90 inventory 1 vol. 20 file 15172. (in Russ.)
14. *GATO* fund 3 inventory 7. file 1184. (in Russ.)
15. Ereemeev, PV 2016, *I uso zhe, dva milliona ili dvadtsat? Chislennost staroobryadtsev Rossiyskoy imperii v XIX - nachale XX vv.* (And yet, two or twenty million? The number of Old Believers of the Russian Empire in the 19th - early 20th centuries), *Istoriya-elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal*, Vol. 7, no. 7(51), viewed 11 October 2022, https://www.academia.edu/33683796/...And_yet_two_or_twenty_million_The_number_of_Old_Believers_of_the_Russian_Empire_in_the_19th_early_20th_centuries/. (in Russ.)

16. Ereemeev, PV 2015, *Metody otsenki dostovernosti statistiki staroobryadchestva Rossiyskoy imperii v XIX - nachale XX vv. (na primere Kharkovskoy gubernii)* (Methods of verifications of statistics concerning the Old Belief of the Russian empire in 19th — early 20th centuries (the case of Kharkiv province)), *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii* (Historical informatics. Information technologies and mathematical methods in historical research and education), no. 1-2 (11-12), pp. 73–97 (in Russ.)
17. Zenkovskiy, SA 2009, *Russkoye Staroobryadchestvo v 2 t.* (Russia's Old Believers), Institut DI-DIK, Kvadruga publ, Moscow. (in Russ.)
18. Katkova, VV & Myshentsev, NP 2011, *Staroobryadcheskiye obshchiny samarskoy gubernii: chislennost, struktura, dinamika razvitiya* (Old Belief communities in Samara province: size, structure, dynamics), *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoy akademii nauk*, Vol. 13. no. 3, pp. 47–54. (in Russ.)
19. Kirillov, IA 1913, *Statistika staroobryadchestva* (Statistics of the Old Believers), *Staroobryadch. Mysl*, Moscow, (in Russ.)
20. Latypov, IR 2011, *Chislennost staroobryadchestva Kazanskoy gubernii v XIX – nachale XX vv.* (The number of the Old Believers of the Kazan province in the 19th - early 20th centuries), *Bulletin of the Bryansk State University*, no.2, viewed 11 October 2022, <https://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-staroobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv>. (in Russ.)
21. Lisitsyna, OL 2013, *Tserkovnyye reformy, napravlenkiye na izmeneniye polozheniya raskol'nikov i sektantov v kontse XIX – nachale XX vv. (Regionalnyy aspekt)* (The Clergy Reforms about Changing the Place Dissidence in the Second Half of the 19th century and the Beginning of the 20th century in Tula Region), *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, no.3-1, pp. 82–92 (in Russ.)
22. Melgunov, SP 1907, *Staroobryadtsy i svoboda sovesti : (istoricheskiy ocherk)* (Old Believers and Freedom of Conscience : (Historical essay)), tip. G. Lissnera i D. Sobko publ, Moscow, (in Russ.)
23. Modesta, I 1862, *O raskolnikakh pomortsakh sekty v g. Tule* (About the schismatics of the Pomeranian sect in Tula), *Tul'skiye eparkhialniye vedomosti (TEV)*, no. 21, pp. 444–450 (in Russ.)
24. Nagradov, IS 2013, *Raskolot «raskol»: gosudarstvennaya konfessionalnaya politika i yeyo vliyaniye na razvitiye staroobryadchestva vo vtoroy chetverti XIX – pervoy chetverti XX vv. (na materialakh Kostromskoy i Yaroslavskoy guberniy)* (To split the "ruskol": state confessional policy and its impact on the development of Old Believers in the second quarter of the 19th - first quarter of the 20th centuries.), Kostromaizdat publ, Kostroma. (in Russ.)
25. Nikolskiy, NM 1985, *Istoriya russkoy tserkvi* (History of the Russian Church), 3d edn, e-book, Politizdat publ, Moscow, viewed 17 October 2022, https://scepis.net/library/id_1829.html (in Russ.)
26. *Obzor Tul'skoy gubernii ... [po godam]*, (Overview of Tula province), [1874]–1916, Tula, (in Russ.)
27. *Otchet Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1879 god : (Desyatyy god yego sushchestvovaniya) : S kratkim obozreniyem sostoyaniya i deyatelnosti Obshchestva za vse pervoye desyatiletie sushchestvovaniya.* (Report of the Orthodox Missionary Society for 1879: (the tenth year of its existence): With a brief overview of the state and activities of the Society for the entire first decade of its existence), 1881, Moscow. (in Russ.)
28. Panov, GI 1872, *Iz razgovora s tul'skim staroobryadtsem* (A conversation with the Tula Old Believers), *TEV*, no.13, pp. 3–13. (in Russ.)
29. Panov, GI 1889, *Iz sovremennoy zhizni staroobryadtsev tul'skoy gubernii* (From the modern life of the Old Believers of the Tula province), *TEV*, no.2, pp. 35–44. (in Russ.)
30. Panov, GI 1868, *K istorii raskola v Tul'skoy eparkhii* (The History of the Split in the Tula Diocese), *TEV*, no. 18, pp. 226–234. (in Russ.)
31. Panov, GI 1882, *Materialy dlya istorii sektantstva v Tul'skoy gubernii* (Materials for the history of sectarianism in Tula province), *TEV*, no. 10, pp. 315–320. (in Russ.)
32. Panov, GI 1886, *Materialy dlya istorii sektantstva v Tul'skoy gubernii* (Materials for the history of sectarianism in Tula province), *TEV*, no. 17, pp. 156–161. (in Russ.)

33. Panov, GI 1886, *Materialy dlya istorii sektantstva v Tulskoy gubernii* (Materials for the history of sectarianism in Tula province), *TEV*, no. 18, pp. 196–206. (in Russ.)
34. Panov, GI 1867, *Obrashcheniye v pravoslaviye odnogo raskolnika* (Conversion of a schismatic to an Orthodox), *TEV*, no. 4, pp. 125–133. (in Russ.)
35. Panov, GI 1867, *Obrashcheniye v pravoslaviye odnogo raskolnika* (Conversion of a schismatic to an Orthodox), *TEV*, no. 5, pp. 156–167. (in Russ.)
36. Panov, GI 1886, *Razbor ucheniya bespopovtsy tulskoy pomorskoj sekty o tayne brak* (Analysis of the teachings of the Bespopovtsy of the Tula Pomeranian sect about the secret of marriage), *TEV*, no. 15, pp. 79–86. (in Russ.)
37. Prugavin, AS 1881, *Znachenije sektantstva v russkoy narodnoy zhizni* (The significance of Sectarianism in Russian life), e-book, *Lib.ru: Biblioteka Maksima Moshkova*, viewed 30 September 2022, http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_1881_znachenie_sektantstva_oldorfo.shtml (in Russ.)
38. Prugavin, AS 1904, *Staroobryadchestvo vo vtoroy polovine XIX veka. Ocherki iz noveyshey istorii raskola*. (Old Believers in the second half of the 19th century. Essays from the recent history of the split.), Tipografiya T-va I.D. Sytina publ, Moscow. (in Russ.)
39. Prugavin, AS 1909, *Raskol vverkhu. religioznykh iskanij v privilegirovannoy srede* (Sectarianism at the social top. Essays on religious studies in a privileged environment), Tip. t-va "Obshchestvennaya polza" publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
40. Rimskiy, SV 1995, *Tserkovnaya reforma 60-70-h gg. XIX veka* (Church reform of the 60-70s of the 19th century), *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, pp. 166–175. (in Russ.)
41. Skvortsov, DI 1903, *Nablyudeniye i vpechatleniye missionera* (The missionary's observations and impressions), *TEV*, №7-8, pp. 251–262 (in Russ.)
42. *TEV*, 1862–1918, Tula. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.10.2022
Одобрена после рецензирования: 01.12.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 20.10.2022
Approved after reviewing: 01.12.2022
Accepted for publication: 16.12.2022